

Китай: плюсы и минусы эволюционного перехода к рынку

Реформирование китайской экономики, идущее уже почти два десятилетия, постоянно привлекает внимание отечественных ученых и публицистов. Недовольные, а то и просто разочарованные ходом преобразований в России исследователи ищут реальные образцы иного пути к рынку. В качестве такового многим представляется китайский путь. В конце января 1996 года в Институте международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН собрались ученые из разных академических институтов, чтобы обсудить тему "Китай: плюсы и минусы эволюционного перехода к рынку". Обсуждение выявило крайнюю многоголосицу мнений о китайском варианте преобразований, часто давались прямо противоположные оценки и китайского, и российского опыта. Впрочем, как отмечалось в ряде выступлений, и китайские ученые оценивают собственный опыт, равно как и результаты реформ в России, столь же неоднозначно. Наиболее интересные моменты обсуждения, различные точки зрения отражены в материале, подготовленном редактором отдела социально-экономических проблем Н.М. Плискевич.

О.Т. Богомолов (академик, ИМЭПИ РАН): Опыт китайских реформ привлекает пристальное внимание и тех, кто сам осуществляет реформы, и тех, кто ревностно наблюдает за быстрым экономическим возвышением этой страны. К сожалению, в России подходы к китайскому опыту нередко сильно политизированы. Но реформы в Китае - это нечто данное, их нельзя "закрыть", как нельзя "закрыть" Америку, а нужно изучать и делать из них определенные выводы. Будет ли такое изучение полезным для российских реформ, зависит от добросовестности ученых и политиков.

В проведении рыночной реформы Китай демонстрирует гибкий, творческий подход, постоянно корректируя методы и формы преобразований. Поиск этот идет постоянно, и политика приводится в соответствие с экономической реальностью. В России же, напротив, наблюдается завидное упрямство в проведении изначально провозглашенного курса, нежелание ничего корректировать, хотя известно, что любой жизнеспособный организм должен приспосабливаться к изменяющимся условиям, совершенствоваться, меняться. Идеология и политика не должны довлеть над сугубо прагматическими задачами реформ: обеспечение роста экономики, повышение ее эффективности, улучшение жизни людей. Плодами реформ хотело бы воспользоваться уже нынешнее поколение. Только при этом условии они становятся катализатором творческой энергии нации.

"Капитализм" или "социализм"?

Л.И. Кондрашова (доктор экономических наук, ИМЭПИ РАН): Когда сравнивают российскую и китайскую реформу, прежде всего говорят о том, что мы пошли по капиталистическому пути, а Китай продолжает следовать по социалистическому пути развития. Мне кажется, подобная постановка вопроса не совсем корректна: ведь мы

сейчас толком не знаем содержания самих понятий "социализм" и "капитализм". Не знаем мы, от какого "социализма" идем и к какому "социализму" или "капитализму" продвигаемся. Кроме того, часто говорят, что мы не должны возвращаться "назад", но я не понимаю, почему переход к "капитализму" означает движение "вперед". Думаю, сама жизнь подталкивает к разработке новой модели, содержащей какие-то черты и капитализма, и социализма (не обязательно его реально осуществленной модели, но идеальных представлений об этом обществе).

А.П. Бутенко (доктор философских наук, ИМЭПИ РАН): В процессе поисков рациональной стратегии российской реформы нам следует внимательно проанализировать положение в Китае и выработать свое отношение к концепциям "социализма с китайской спецификой" и "социалистической рыночной экономики". И по содержанию, и по терминологии эти концепции можно рассматривать как вариант "рыночного социализма". Попробуем разобраться в основных трактовках этого понятия и выяснить, в чем особенность китайского подхода.

Теоретики левых сил, желающие примирить современные реалии с принципиальными положениями классиков марксизма-ленинизма, исходят из того, что для построения общества, в котором распоряжение средствами производства и результатами труда принадлежит непосредственным производителям, необходимо пройти ряд этапов. Один из них - "рыночный социализм", возникающий там и тогда, где и когда уже поставлен вопрос о ликвидации эксплуататорских отношений, но уровень развития производительных сил вынуждает использовать рыночные отношения для повышения эффективности производства. В этом случае "рыночный социализм" претендует на роль целевой модели хозяйственных преобразований как ступени к новым антикапиталистическим производственным отношениям.

Согласно другой трактовке, "рыночный социализм" - определенный вариант экономической политики в социалистических странах, тактически "допускающих" рынок в качестве временного средства рационализации экономики (примером может служить нэп). Существует и умозрительное представление о "рыночном социализме", вытекающее из чисто теоретических (с привлечением математических методов) построений, призванных доказать совместимость рыночных отношений с общественной собственностью на средства производства.

Китайское "социалистическое рыночное хозяйство", по-моему, совпадает с первой из трех перечисленных трактовок. Основными чертами такого "рыночного социализма" являются многоукладность экономики, всеобщее распространение рыночных отношений, государственное вмешательство в экономику с целью примирения общественных и личных интересов и повышение благосостояния народа как цель всей системы.

Опыт Китая свидетельствует о том, что перспективы практической осуществимости "рыночного социализма" не менее благоприятны, чем у "социального либерализма", который добился серьезных успехов в западных странах. Выбор, сделанный российскими реформаторами в пользу "капитализма" ("либерализма"), объясняется, на мой взгляд, не столько "непригодностью" социализма, сколько идеологическими предпочтениями инициаторов реформ и их прагматическими расчетами на получение иностранной помощи. Китайская же элита в массе своей не демонстрирует неприятия социализма.

"Рыночный социализм" в Китае является целевой установкой общественных преобразований на довольно продолжительный срок (думаю, таковым он мог бы быть и у нас). Его ни в коем случае нельзя рассматривать как "возвращение назад", и в этом отношении я солидарен с Л. Кондрашовой. Причем для Китая "рыночный социализм" - это пока не сегодняшний, а только завтрашний день. Ему еще предстоит переход от квазирыночных к рыночным отношениям, от господства коммунистической номенклатуры к подлинной социалистической демократии, что требует преобразований системного характера. Этот переход сопряжен с огромными трудностями и с пре-

одолением сопротивления тех общественных сил, которые паразитируют на нынешнем симбиозе "плана" и "рынка".

В.А. Ципко (кандидат экономических наук, Фонд "Реформа"): Спор о том, куда двинется Китай, ведется давно (в академической среде, как правило, в ходу рассуждения формационного плана), но ответа до сих пор нет. Очевидно, Китай пытается достроить гибрид социализма и капитализма, и этот опыт заслуживает всяческого внимания.

В ходе китайской экономической реформы быстро стали развиваться специальные экономические зоны (СЭЗ). Недавние беседы в Комитете по хозяйственной реформе КНР убедили меня, что это - анклавы чисто капиталистического развития. Шанхай и Сямьнь очень похожи на Гонконг, все преобразования в них носят капиталистический характер и могут считаться системными. По словам китайских специалистов, задача реформы состоит в том, чтобы перенести опыт СЭЗ на всю страну. В настоящее время налоговые льготы получили территории, на которых в общей сложности проживает 350 млн человек. Если поставленная задача будет решена, системные преобразования обретут всеохватывающий характер.

Сейчас и у нас, и у китайцев одна общая забота - реформа государственных предприятий. Здесь накопилось много схожих проблем: дотационность, инфляция издержек, приспособление нового экономического механизма к существующим в стране отношениям. При решении этих проблем неизбежно возникает тема сочетаемости экономической эффективности и социальной справедливости. Китайские руководители ищут решение на путях прагматического подхода, и из бесед складывается впечатление, что у них более решительный настрой на рыночную экономику, чем у нас. При этом лозунг социализма не является помехой.

Социализм, по словам китайских коллег, - строй с наивысшей производительностью труда, и если подмогой для этого может стать рынок, его, бесспорно, нужно внедрять. с этой позицией согласуется и марксистское наследие. Правда, в Китае к К. Марксу апеллируют не часто, упор делают на взгляды Дэн Сяопина, его идеологию.

На мой взгляд, проведенные в Китае экономические реформы достаточно стандартны и вписываются в контекст обычной рыночной модернизации. Цены либерализованы уже на 90%, введена новая двухуровневая налоговая система, при которой регионы получили большую самостоятельность. Думаю, Китай во многом повторяет путь Тайваня. Механизм рыночного распределения ресурсов накладывается на традиционные институты самоорганизации общества, модернизация сочетается с традиционностью.

Ю.И. Суровцев (кандидат филологических наук, ИМЭПИ РАН): Мимо китайского опыта пройти невозможно. И Китай, и Россия - великие державы, без них нельзя понять современный мир, ни его сегодня, ни его завтра (кстати, и его глобального вчера). От чего "уходят" эти две страны - более или менее ясно, но к чему они "переходят"? Здесь возникает разногласие мнений и названий. От "казарменного социализма" (некоторые говорят и о "псевдосоциализме") к... капитализму либерально-рыночного ("манчестерского") типа?., к конвергентному разноукладному обществу?., к рыночной, социально-ориентированной экономике? Перечень можно продолжить.

В связи с этим я хотел бы обратиться к полузабытому рассуждению П. Струве периода его легально-марксистской юности. Он называл три "идеи", три понятия социализма. Первое - "правовое" - сводится к отмене частной собственности на орудия и средства производства и перенесению ее на общественное целое в лице государства или каких-то иных общественных союзов. Это понятие пересекается со вторым - экономически-организационным, сводящимся к обобществлению всего хозяйственного процесса. Но рядом с этими двумя понятиями огромную психологическую реальность представляет третья "идея" социализма - социально-политическая, призванная определить, ради чего осуществляется социализм в правовом и экономически-

организационном смысле. Такой целью считается установление возможно большего равенства в пользовании благами членов общества и повышение индивидуальной доли каждого его члена. Эту идею Струве называет (по-моему, не вполне точно) уравнительной, или эгалитарной. Именно она "вдохновляет массы".

По отношению к массам большевистская власть (и у нас, и в Китае) сначала пошла на "закрепление труда", на милитаризацию труда и бюрократизацию хозяйства, но, увидев, что, съедая запасы, все ближе подходит к роковой черте, она прибегла к буржуазным принципам личной заинтересованности в производстве и личной ответственности индивида за свою хозяйственную судьбу. Надежда была на то, что этот "мышьяк" при правильной дозировке сможет поднять тонус социалистической хозяйственной жизни, не убив самого социализма. Струве такую возможность отрицал, отвергает ее и русский, и китайский опыт. Сейчас Китай хочет выйти из сложившейся ситуации не в сторону утопического рая, а, скорее, в сторону капитализма особой, не повторяющей прежние, известные истории формы.

Л.П. Делюсни (доктор экономических наук. ИМЭПИ РАН): В ходе китайской реформы выявляются такие трудности, которых просто не могли предвидеть заранее и сегодня не знают, что с ними делать. Зачастую это объясняется тем, что традиционная идеология, нацеленная на социализм, вступает в конфликт с требованиями практики. Все время идет борьба между леваками-консерваторами, не желающими "поступаться принципами", и практиками-реформаторами, которым эти принципы мешают жить и работать. Эта борьба то затихает, то разгорается с новой силой. Последние сообщения из Пекина свидетельствуют об оживлении леваков, усиливающих атаки на реформы, которые, по их мнению, подтачивают священные устои социализма и ведут Китай "не туда". Они считают, что сбываются опасения Мао Цзэдуна о возможности мирной эволюции Китая в сторону капитализма.

В то же время демократы-эмигранты критикуют Дэн Сяопина за то, что он недостаточно поворачивается в сторону рынка и демократии, не хочет отходить от сталинско-маоистской модели политической организации общества, противится процессу демократизации. Действительно. Дэн Сяопин проявлял и проявляет жесткость по отношению к сторонникам радикальных реформ, к демократам, поощряет гонения на них как на "буржуазных либералов" и не предпринимает решительных мер к левым противникам своего курса. Хотя он не раз говорил о необходимости усилить борьбу с левацкими взглядами, на практике леваки свободно действуют, а правым затыкают рот.

Но когда спорят о социализме и капитализме, часто забывают, что с середины XIX века главным для Китая было стремление сделать страну богатой и сильно!, преодолеть ее отставание от Запада (об этом писали многие китайские патриоты и ученые). Эта проблема до сих пор актуальна, а все ярлыки "измов" лишь затуманивают существо дела. Не случайно ряд китайских ученых считает, что надо отбросить рассуждения об "измах" и заняться наукой развития, разработкой теоретических основ модернизации Китая безотносительно к идеологическим догмам.

Именно модернизация - главная задача Китая. Для ее осуществления, по словам Дэн Сяопина, "все кошки хороши". При этом важно, чтобы путь к богатству и силе был бы наименее болезненным для народа, чтобы политическая структура была менее коррумпированной, менее бюрократической. Звучат опасения, чтобы рыночный путь не привел к моральной деградации общества.

Сейчас те, кто всегда выступал против конфуцианства, стали говорить о необходимости возрождения традиционных моральных норм, в частности для борьбы с коррупцией, воровством, хищничеством. (Интересно, что, сравнивая китайскую и российскую коррупцию, китайцы полагают, что ее масштабы в Китае даже больше, чем в России, но она не такая наглая и открытая.) В эмигрантской печати акцент делается на политические и социальные причины коррупции и искоренение ее связывается с более решительным поворотом к рынку и демократии. Им оппонировать, в частности,

те, кто, опираясь на опыт "разгула демократии" в СССР и России, указывает на опасность этого пути.

В целом же оценки зависят от политических симпатий и антипатий. Можно выделить три точки зрения. Согласно первой, реформа не продвигается вперед, в Китае создана империя Дэн Сяопина, установлен диктаторский режим. В соответствии со второй, реформы продолжаются, экономика развивается высокими темпами, а единственная проблема, ждущая решения, - вхождение государственных предприятий в рынок. Сторонники третьей точки зрения утверждают, что реформа хотя и продолжается, но идет неравномерно и непоследовательно, то оживает, то топчется на месте. И хотя в стране, конечно, нет полной свободы слова, люди говорят о своих проблемах с большей открытостью.

В Китае сейчас решаются такие сложные и трудные задачи, готовые ответы на которые не найти ни у марксистов, ни у либералов, а их быстрое решение вообще невозможно. Выступающие за углубление реформ китайские экономисты полагают, что их стране не подходят ни методы централизованного всеобъемлющего планирования, ни принципы полностью свободного рынка. Законы социализма или законы капитализма, если им строго следовать, не могут обеспечить движение Китая к экономическому благоденствию.

П.И. Кулигин (доктор экономических наук, ИМЭПИ РАН): Стратегическая задача китайской экономической реформы, в отличие, например, от реформ в Центральной и Восточной Европе, заключается именно в том, чтобы осуществить переход к плановой товарной экономике, обозначаемой обычно как "социалистическая рыночная экономика" или "рыночный социализм". При этом предполагается, что должна функционировать смешанная экономика, допускающая наличие различных укладов, но при господстве государственного сектора. Считается, что после окончания реформы государственный сектор составит 25% объема валового внутреннего продукта (ВВП), коллективный - 50%, а частный - 25%. Однако о положении частного сектора в будущем один из китайских авторов (Чэнь Юнь) образно выразился так: "Пусть птичка свободно летает, но все-таки в клетке". (Ныне на долю частного сектора приходится 5% ВВП.)

Таким образом, система хозяйства КНР основывается на господстве государственной собственности и государственном управлении экономикой. Смысл реформы заключается в некотором изменении роли отдельных секторов и совершенствовании государственного управления. Обобщенно это должно выражаться в улучшении административных методов, в усилении роли финансово-экономических нормативов, которые, однако, определяются не рынком, а государством, в допущении отдельных вкраплений элементов рыночной экономики. Свободные экономические зоны и допуск в страну иностранного капитала (главным образом хуацяо) вносят значительные коррективы, но не меняют принципов общего подхода.

Следует сказать, что по сравнению с теми условиями, в которых начиналась реформа, ныне достигнут большой прогресс как в отношениях собственности, так и в сфере государственного управления экономикой. Улучшились общие условия экономической деятельности, атмосфера общественной жизни. Начался и пока продолжается экономический рост. Правда, теперь уже не совсем ясны дальнейшие перспективы. Высказываются предположения об угрозе тупика.

Шок или эволюция?

"Две колени" китайской реформы

О.Т. Богомолов: Один из уроков, который преподносит нам Китай, состоит в том, что оказалось возможным длительное сосуществование, соревнование рыночного и нерыночного (государственного) секторов экономики, причем второй постепенно вытесняется первым. Я вспоминаю, как В. Леонтьев и Д. Сорос еще в годы

перестройки при посещении нашего института выдвигали идею создания внутри командной экономики рыночных анклавов, призванных постепенно преобразовать все хозяйство. Двухсекторная модель, в которой рыночный сектор представлен не только территориальными анклавами, но и целыми отраслями, в Китае существует и работает. В какой мере это можно считать закономерностью рыночной трансформации?

Л.И. Кондрашова: С этим связан и вопрос о том, каким путем должна идти реформа - эволюционным или революционным, иначе называемым шоковым. Думаю, как в чистом виде нет ни модели "капитализма", ни модели "социализма", так и каждый путь трансформации содержит и эволюционные, и революционные элементы. Мне очень нравится мнение У Цзинляна, полагающего, что китайский путь, который принято считать эволюционным, в действительности распадается на ряд составных частей, представляющих собой комбинацию разных вариантов. Например, о прошедшей в очень короткие сроки аграрной реформе можно говорить, что она носила оттенок шокового варианта.

Каковы же отличия между эволюционным и революционным вариантами перехода? На мой взгляд, их надо искать не только в сроках преобразований, но и в самом наборе мероприятий, осуществляемых в определенной последовательности. Думаю, целесообразно выделять два типа мер - активные и пассивные. Под пассивными я понимаю меры, связанные с уходом государства из экономики, под активными - связанные с сохранением и даже усилением роли государства в хозяйственной сфере. Мне кажется, что эволюционным можно считать путь, начинающийся с активных мероприятий и переходящий затем к пассивным, т.е. роль государства сначала усиливается и лишь затем может идти речь о ее ослаблении. Шоковый же, революционный вариант связан с противоположным движением и начинается именно с ущемления роли государства.

Признание того, что Китай идет по эволюционному пути, связано с сохранением там важной регулирующей роли государства. Вторая особенность китайских реформ - продвижение "толчками", с накатами и откатами, с чередованием периодов "урегулирования" и "реформ". Обращает на себя внимание широкое использование экспериментирования, т.е. апробации ряда мероприятий в относительно узкой сфере, без распространения на всю страну.

Сегодня можно говорить о "плюсах" и "минусах" такого пути. "Плюсы" очевидны: высокие темпы экономического развития, рост жизненного уровня. Но есть и масса "минусов", часть которых связана с особенностями китайского общества и китайской экономики, а отнюдь не со способами проведения реформы. К таковым можно отнести весьма остро стоящие демографические проблемы. Есть и негативные моменты, свойственные всем странам, вставшим на путь реформирования административно-командной системы (поляризация общества, трудности финансовой стабилизации, реструктуризации). Но есть и такие "минусы", которые следует отнести к недостаткам именно китайского варианта перехода к рынку. Этот эволюционный путь привел к дуализму экономической системы, к такому сочетанию плана и рынка, традиционной и современной экономики, что ее можно назвать квазирыночной системой. Многие вещи в ней носят рыночный характер, но на деле являются только переходными формами на пути к рынку. Трудности этой сложившейся дуалистической системы будут сказываться на следующем этапе реформы в Китае.

В.А. Цепко: Я хотел бы уточнить, что говорить о дуалистической системе Китая можно не только и не столько в отраслевом разрезе, сколько в региональном. Региональные различия чрезвычайно велики. Шанхай нельзя сравнивать с Сычуанью ни по уровню экономического развития, ни по жизненному уровню населения, ни по уровню образования. Китайская стратегия вхождения в рынок предполагала выделение приоритетных регионов, определенных рыночных центров, откуда новые мето-

ды хозяйствования сначала распространяются на те части страны, где им обеспечена лучшая приживаемость, а уже потом процесс будет расширяться, захватывая все новые и новые регионы.

Н.А. Анисимов (кандидат экономических наук, Центральный экономико-математический институт РАН): Важнейший параметр рыночной экономики - высокое качество предпринимательского сообщества. Для его создания требуются колоссальные усилия и длительное время. Ни в России, ни в Китае не было и нет эффективного предпринимательского сообщества, и никакая форсированная модернизация создать его в одночасье не может. Ставка на жулье - не путь к рынку, который немислим без атмосферы доверия.

Главным дефектом централизованной экономики является не сам факт отсутствия рынка, а то, что без рыночной конкуренции на определенном этапе ослабления государственного регулирования разрушается механизм подготовки квалифицированных кадров. Пока были "зубры" (по выражению Д. Гранина), машина работала удовлетворительно, а в стрессовых условиях плановый механизм может быть даже эффективнее рыночного.

Преимущество рыночного хозяйства перед административно управляемой экономикой проявляется как раз в постоянном росте отдачи от лиц, управляющих экономикой на различных уровнях. Но создать когорту эффективных предпринимателей в ударном порядке невозможно. Поэтому для получения эффективной рыночной экономики необходима постепенность преобразований, соответствующая скорости складывания предпринимательского сообщества. Пока же его нет, без государственного регулирования не обойтись.

Если в России считали, что чем выше либерализация экономики, тем она эффективнее, то в Китае учитывали, что недостаточная структуризация рынка и несовершенство предпринимательского сообщества кладут свои пределы либерализации рынка. Их превышение ведет к неэффективному варианту рыночной экономики. А коль скоро рыночное хозяйство трансформируется в неэффективную форму, его надо вернуть к эффективному состоянию путем регулирования, т.е. минимизировать кризогенный потенциал экономики. В России закрепилась модель неэффективной, но высоко либерализованной и приватизированной экономики. В Китае степень эффективности экономики несравненно выше, но при этом уровень либерализованности и приватизированности относительно ниже. Что лучше - судите сами.

В.А. Волконский (доктор экономических наук, Центральный экономико-математический институт РАН): Я не китаист, но хотел бы высказаться по существу дела. Движение к рынку безальтернативно, но в России, по-моему, не хватает регулирующей роли государства в плане регулирования межотраслевых пропорций. Рыночные силы на данном этапе не справляются со структурными преобразованиями. Меня больше всего поражает именно то, что в России цены и финансовое положение разных отраслей катастрофически разошлись.

Я бы предложил такую огрубленную схему: пусть государство регулирует межотраслевые пропорции, а конкуренция действует между однопрофильными предприятиями. Перед началом радикальных реформ в России я был против двухсекторной системы, но сейчас думаю, что это была ошибка. Считаю, что для крупных предприятий совсем не обязательна частная собственность. Нужна их коммерциализация, предоставление им большей свободы. В 60-70-х годах мы не смогли реализовать эту идею, хотя она все время муссировалась.

О.Б. Борох (кандидат экономических наук, Институт Дальнего Востока РАН): Можно без преувеличения сказать, что сопоставление двух моделей реформ - "поэтапной" (китайской) и "радикальной" (восточноевропейской и российской) - стало одной из центральных тем научных дискуссий, развернувшихся с начала 90-х годов.

В них включились китайские экономисты, работающие как в Китае, так и за его пределами (главным образом в США). Эти дискуссии являются важной составной частью споров о двух моделях преобразований.

По мнению большинства китайских исследователей, позитивные перемены в экономике КНР стали возможными прежде всего благодаря правильному выбору стратегии реформ. Главную ее особенность китайские ученые усматривают в поэтапности перехода к рыночной системе. Специфика китайского пути преобразований заключалась в так называемом двухколейном переходе, при котором старая система не разрушалась, а сосуществовала параллельно с динамично развивающейся новой.

Характерно, что предпочтение отдавалось реформам "снизу". Руководство подходило к преобразованиям с гибкостью и прагматизмом: новые нестандартные решения не поощрялись, но и не запрещались. Не случайно некоторые ведущие ученые Китая, например один из "четырёх маленьких драконов" китайской экономической науки Фан Ган, считали тактику постепенных реформ не столько сознательно избранной, сколько представляющей собой "последующее описание стихийного эволюционного процесса".

Объясняя, почему был избран путь плавного перехода, китайские ученые ссылались на особые экономические и политические условия конца 70-х годов. После завершения "культурной революции" положение стало улучшаться, широкое распространение получили представления, согласно которым неудачи "культурной революции" связывались с господством принципа "политика - командная сила", и утверждалось, что перенос центра тяжести на экономическое строительство позволит решить стоящие перед страной проблемы.

Свою роль в избрании эволюционной стратегии сыграла и специфическая структура китайской экономики, для которой были характерны относительно низкий удельный вес государственного сектора и наличие избыточной рабочей силы в деревне. Это создавало благоприятные условия для развития негосударственных секторов и тем самым способствовало успеху стратегии постепенных преобразований.

Важнейшей политической предпосылкой этой стратегии китайские экономисты считают высокий авторитет руководства КНР и сохранение у него способности контролировать ситуацию в стране. Особую роль сыграла поддержка реформ большинством населения, которое получило в ходе преобразований значительные выгоды. Нельзя забывать и о крупных капиталовложениях в экономику страны, которые делали и делают китайцы, живущие за рубежом (хуацяо).

Накопившийся к 90-м годам опыт позволил китайским ученым проанализировать как "плюсы", так и "минусы" сложившейся в ходе реформы "двухколейной системы". Они отмечали, что эта система позволяла уменьшить сопротивление реформам и минимизировать "издержки трения" при переходе к рыночной экономике. Вместе с тем заметно увеличивались суммарные издержки проведения реформы. Кроме того, на каждом из этапов преобразований возникали отклонения от заранее намеченной "целевой модели".

Серьезная опасность для реформы заключается ныне в сохранении "старой колеи". А в ее укреплении заинтересованы большие группы людей, включая и правительственных чиновников, поскольку "двухколейная система" создает почву для коррупции и взяточничества. Проанализировав сложившуюся ситуацию, китайские экономисты пришли к выводу, что при поэтапном переходе к рынку необходимо принимать меры по недопущению укрепления старой системы, так как в противном случае она не только не исчезнет автоматически, но будет процветать, паразитируя на "новой колее". Все большее число ученых склоняется к тому, что этап конструктивного сосуществования двух систем в Китае близится к завершению, и переход "с двух колеи на одну - рыночную - колею" должен быть ускорен.

Ю.М. Гарушьянц (кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН): Я хотел бы сказать несколько слов об интерпретации эволюционного перехода к

рынку. Разве дело только в экономической реформе? Ведь это комплексная проблема сочетания политической реформы и экономической. От того, какова политическая установка, зависит вся экономическая политика. Поэтому было бы правильнее поставить вопрос о китайских реформах в самом широком смысле.

Рыночную экономику или, точнее, псевдорыночную экономику можно внедрять диктаторскими методами. Само по себе рыночное хозяйство не предполагает демократии. Но демократия обязательно нуждается в рыночном хозяйстве. Спрашивается, кто защитит китайского предпринимателя, весь этот так называемый частный сектор от государства? Есть ли у него защитник? Приведу лишь один пример. Долларовые счета в китайских банках заморожены, поэтому, как правило, тысячи людей устремляются за рубеж, особенно к нам. Приезжающим сюда с деловыми предложениями надо только заключить протокол о намерениях. Под этот протокол в Китае они получают доллары в банке и пропадают с российского рынка.

А вот другая ситуация. Российский продавец заключает с китайским покупателем сделку. По предоплате получает 20% стоимости. Затем товар доставляется к китайской границе, а представителей китайской фирмы нет... Ожидание связано с большими расходами, а увозить товар обратно очень дорого. И тут появляется китаец, предлагающий взять товар за полцены. Нашему предпринимателю ничего не остается, как соглашаться на сделку. А покупатель - представитель той же фирмы, которая подписала протокол о намерениях и предоплате. Получается, законодательство есть, но никто ему не подчиняется, нет гарантий. Государство что хочет, то и делает.

Что касается самого принципа эволюционности, то результаты реформы в Китае меня не впечатляют. Реформа в сельском хозяйстве оказалась не очень-то эффективной. Во многих китайских провинциях крестьяне, взяв в аренду землю, потом предпочли ее вернуть обратно кооперативу. Когда это было, чтобы китайский крестьянин отдавал обратно землю? Сегодня же он уходит на мелкое предприятие или куда-нибудь еще. Теперь о "шоковой терапии". Такой пример: до недавнего времени проезд на транспорте в Китае стоил 0,5 юаня, а с 1 января 1996 года цену за проезд повысили до 2 юаней. Фактически это шок.

За прошедшие 18 лет концепция реформы, заложенная китайским правительством, уже себя исчерпала, а новых механизмов реформы не найдено. Есть отдельные попытки стимулировать специальные зоны. Но надо учитывать уникальность ситуации: Китай может рассчитывать на капитал хуацяо - эмигрантов китайского происхождения.

Россия и Китай - два типа реформ

В.Я. Портиков (доктор экономических наук, Институт Дальнего Востока РАН): В Китае какое-то время воздерживались от прямых оценок и сопоставлений с Россией и Советским Союзом. В 1985-1988 годах сравнение шло в рамках выбора оптимального пути социалистического развития. Потом эта проблема ушла в тень, однако за последние два-три года сравнительные исследования в Китае резко активизировались. В этом плане российская транзитология заметно отстает, что и не удивительно: у нас пока нет специалистов, одинаково хорошо знающих и Россию, и Китай, и Восточную Европу. В работах китаеведов обычен уклон в сторону позитивных оценок китайских преобразований, не всегда уделяется внимание их серьезным минусам. Работы российских ученых, как правило, политизированы, диапазон мнений очень широк - от сверхположительных до крайне отрицательных оценок, вплоть до предсказания распада Китая в ближайшем будущем. Однако за последние 17 лет Китай блистательно опроверг не один мрачный прогноз.

В самом Китае подход к анализу российских реформ тоже не одинаков. Есть прошедшие школу Запада специалисты, пытающиеся повернуть страну к более радикальным действиям. Их оппоненты стремятся отстоять китайский путь градуалистических реформ, право не проводить политические реформы, навязываемые Западом. Но

в китайской критике российских реформ надо видеть принципиальные моменты. Несмотря на события августа 1991 года, обусловившие частичное несовпадение целей реформ, внутренняя глубинная связь наших стран остается удивительно тесной. Недаром одна из последних наиболее значимых теоретических статей известного китайского экономиста Фан Гана называется "Критика советской парадигмы". Он считает, что основная масса китайских работ по экономической теории до сих пор не вышла за рамки советской политэкономии социализма. Фан Ган предлагает разорвать "последние путы, связывающие Китай с советской теоретической мыслью".

Оценивая преобразования советского периода, китайские ученые полагают, что в СССР реформа шла только год (с середины 1987-го до лета 1988 года - XIX партийной конференции). Отсюда нередки заявления о том, что Россия выбрала "шоковую терапию" потому, что эволюционный путь оказался несостоятельным. Вряд ли это справедливо: трагедия СССР, по-моему, в том, что, ничего не сделав в сфере экономики, руководители страны нашли "виновника" в политической системе и решили прежде осуществить преобразования в этой сфере. В целом же вся деятельность российских реформаторов находит достаточно адекватное отражение в китайской печати.

Я думаю, нельзя просто сравнивать экономическое развитие Китая и России в условиях перехода к рынку, ибо это ведет к политизации проблемы. Реформы в СССР и России и 17 лет китайских реформ - это совершенно разные вещи. Здесь как бы три реформы - китайская, советская и российская. Предметом сравнения может стать только переход к рынку, собственно, стратегия и тактика реформ. Причем целесообразно выделить несколько блоков анализа.

Первый — теоретическая подготовка реформы. В Китае она началась с глубокого изучения структуры экономики страны. У нас же слова Ю. Андропова о необходимости детального изучения общества не были услышаны. Реформа началась с "ускорения" и попыток подъема машиностроения, что не отвечало ни реальным потребностям, ни возможностям страны. Если в России до начала реформ какая-либо их теоретическая подготовка отсутствовала, то в Китае уже в 1979 году был разработан первый проект реформы. Пусть он не состоялся и события пошли несколько иначе, но важно само стремление осмыслить происходящее.

Второй блок сравнений - институциональная подготовка. В КНР при Госсовете были созданы аналитические центры, пусть не сразу, но утвержден Комитет по реформе во главе с председателем Госсовета. В СССР же уровень подобного органа был достаточно скромным - в ранге отдела Госплана. И сейчас авторитетные аналитические центры отсутствуют. Главные попытки реформ исходят от президента, премьер-министра и первого вице-премьера.

Третий блок - экспериментальная подготовка. Она очень серьезно поставлена в Китае. В российской же экономике экспериментальная проверка любых нововведений практически отсутствует.

Четвертый блок - характер и цели реформы. В СССР цели были смешанные, а в России - политические. Экономических целей наша реформа практически не имеет. В Китае реформа имеет экономическую направленность, а сейчас и социальную. Преобразования рассматриваются не как самоцель, а как средство достижения экономического роста, осуществления модернизации и т.п.

Пятый блок - критерии оценки реформ. В Китае они лежат вне самого процесса реформирования: это подъем производительных сил, повышение уровня жизни населения и качества трудовых ресурсов, увеличение доли страны в мировой экономике. В СССР как критерий выступал лозунг "больше социализма, больше демократии". В России же таковыми стали уровень приватизации, а в последнее время - показатель снижения инфляции.

В рамках сравнения могут быть использованы и другие блоки. Например, стратегия и цикличность реформы, особенности формирования рынка, специфика разгосудар-

ствления, механизмы функционирования макроэкономических инструментов, реформа в социальной сфере и т.д. Все это нуждается в дополнительных исследованиях.

Л.П. Делюсин: Когда мы оцениваем реформы в Китае, говорим об их "плюсах" и "минусах", не надо забывать, что эти реформы еще продолжаются. Они далеки от завершения, сами китайцы определили им не очень короткий срок - сто лет. Так что об уроках можно будет говорить во второй половине следующего века. Пока же можно размышлять о сложности и длительности перестройки сталинско-маоистской модели, в ходе которой подъемы сменяются спадами и, соответственно, восторги уныниями. Сами китайцы, проживающие как в стране, так и за рубежом, высказывают прямо противоположные мнения о ходе реформ, о перспективах дальнейшего пути.

Среди обосновавшихся в США много тех, кто готовил реформу, кто был среди первых помощников Дэн Сяопина. Но когда они стали выступать за радикализацию реформ, особенно политических, Дэн Сяопин от них отказался. Эти люди сейчас продолжают работу, изучая опыт реформ не только в своей стране, но и в Латинской Америке, в Японии, в Восточной Европе, а главным образом стремятся изучить и понять процессы, протекающие в России. По мнению китайских ученых, при всех различиях в экономических и политических процессах двух стран российский опыт достоин изучения. Поэтому появилось много статей, авторы которых критически оценивают свой, китайский, опыт, сопоставляя его с событиями в бывшем СССР и в России.

В самом же Китае идет постоянный поиск новых форм, новых методов работы. Например, китайский публицист Пан Цин в январе 1996 года указал на пять до сих пор не решенных проблем, мешающих углублению реформ в Китае. Это отказ от политической реформы, предполагающий отделение партийного руководства от государственного и хозяйственного; затягивание перестройки управления государственными предприятиями; неспособность ликвидировать коррупцию внутри партии; неэффективность борьбы с инфляцией; неспособность поддержать общественный порядок, покончить с преступностью и другими фактами аморального поведения.

В.А. Ципко: По-моему, важно, что российские реформы, в отличие от китайских, с самого начала имели сильный идеологический налет. Е. Гайдар и А. Чубайс навязывали точку зрения о необходимости скорейшего создания признаков рыночной экономики. Китайцы пошли по другому, более осторожному и неидеологизированному пути. Наши реформы системного плана инициировались в Москве. Китайцы же подходили к рынку как к самоорганизующейся системе, которую нельзя "ввести" исключительно посредством декретов и законов по приватизации. Она должна расти "снизу" и подкрепляться изменениями институционально-формационного плана.

О.Б. Борох: Сопоставление опыта реформ в Китае с преобразованиями в России и странах Восточной Европы - важнейшая тема китайских экономических дискуссий последних лет. На мой взгляд, подобные исследования можно условно разделить на три группы. К первой относятся работы, ставящие целью доказать непригодность для Китая зарубежных моделей и продемонстрировать преимущества отечественного пути преобразований.

Принципиально иных взглядов придерживаются ученые, в частности Фан Ган, полагающие, что накопленный к настоящему времени опыт не позволяет предпочесть какой-либо из известных путей. Фан Ган предлагает крайне осторожно относиться к сравнению разных вариантов перехода и считает, что на вопрос о преимуществах одного из них можно будет отвечать тогда, когда в обоих случаях преобразования будут завершены. Тем более что преобразованиям в Восточной Европе и России лишь несколько лет, а китайские реформы проводятся уже более полутора десятилетий. Поэтому достигнутые к сегодняшнему дню успехи не следует ошибочно воспринимать

как свидетельство превосходства китайского пути. Фан Ган полагает также, что любое улучшение ситуации в России и других странах СНГ ускорит преобразования в самом Китае.

Сторонники третьего подхода акцентируют внимание на "всеобщем" значении китайского опыта рыночной трансформации. Подобной точки зрения придерживается директор Китайского центра экономических исследований при Пекинском университете Линь Ифу, ссылаясь на сходство экономической ситуации, сложившейся в бывших социалистических странах к началу преобразований. Особенностью экономик этих стран, по мнению Линь Ифу, были ориентация на одностороннее развитие тяжелой промышленности, господство централизованного распределения ресурсов, отсутствие самостоятельности у предприятий и стимулов к труду у рабочих. Так как эти проблемы являлись общими, а Китай добился успехов в их разрешении, его опыт приобретает ценность для других.

Если основой "шоковой терапии" стала неоклассическая экономическая теория, то для объяснения происходящих в Китае процессов рыночной трансформации могла быть использована теория новой институциональной экономики, прежде всего разработанная лауреатом Нобелевской премии Д. Нортон концепция институциональной эволюции. Институциональная парадигма больше, чем неоклассицизм, учитывает такие свойственные переходной экономике черты, как несовершенство информации, неопределенность, риск, оппортунистическое поведение индивидов, а также влияние предшествующего развития на ход современных институциональных изменений. По мнению Линь Ифу, "если принять во внимание транзакционные издержки и зависимость пути институциональной эволюции общества, то китайский постепенный подход к реформе будет и практически, и теоретически предпочтительнее радикального".

Сравнительные исследования в Китае продолжаются. Они заслуживают серьезного изучения и представляют особый интерес для России, где идет поиск путей и методов дальнейшего углубления реформы.

В.И. Филатов (Фонд "Реформа"): Китайский опыт еще долго будет интересовать нас как "нетрадиционный" путь трансформации экономики коммунистического типа. Его результаты дают материал для серьезных возражений радикал-либералам, говорящим об отсутствии реальных альтернатив революционным "прыжкам в рынок". На мой взгляд, идеология китайских реформ может быть охарактеризована как реалистический прагматизм, отличающийся от идеологизированной революционности российских и европейских реформаторов.

Различия в подходах проявляются прежде всего в целях экономической политики. Китайские реформы начали проводить под лозунгом модернизации экономики, направленной на достижение вполне конкретных целей - достижения в первой четверти XXI века уровня среднеразвитой страны. В России же процесс реформирования изначально не был привязан к конкретным экономическим результатам в, среднесрочной перспективе, не была сделана профессиональная экономическая оценка, последствий широкой либерализации национального хозяйства. Различия в целях предопределили и различия в критериях протекающих процессов. В Китае в качестве таковых используются вполне понятные экономические индикаторы: темпы роста рост благосостояния, состояние платежного баланса и т.д. У нас же на передний план выходит система оценок, характеризующих степень либерализации экономики в сферах собственности, ценообразования, формирования валютного курса и т.д. Показатели состояния реального сектора экономики отходят на второй план, получают не профессиональную, а идеологическую оценку. Одни и те же факты могут рассматриваться и как свидетельство "катастрофы", и как признаки "стабилизации".

Российская экономика - индустриального типа, причем структурно деформированная индустриальная экономика. Это накладывает естественные ограничения,

для возможной глубины "шока". Адаптационные условия и возможности приспособления основных слоев населения к издержкам трансформации здесь гораздо уже, чем в системах аграрного или аграрно-индустриального типа. Китайская экономика характеризуется гораздо меньшим уровнем индустриализации, а значит, меньшей опасностью социальных издержек выбираемых сценариев реформирования. Сельское хозяйство не так зависит от "большой политики" и имеет гораздо больше возможностей адаптации к тяжелейшим условиям.

Еще одна особенность, позволяющая Китаю успешно реализовывать модель экстенсивного экономического роста на основе развития трудоемких производств с невысокой энергоемкостью и капиталоемкостью, - избыток трудовых ресурсов. Следует учитывать и более благоприятные, чем в России, условия для доступа к нейтральным инвестициям.

Российские реформы должны были найти решение гораздо более сложных проблем, связанных с исчерпанием ресурсов экстенсивного развития. Рыночная трансформация такой модели должна рассматриваться как важнейшее условие повышения экономической ответственности и заинтересованности на микроуровне. Это достигается на основе либерализации хозяйственной деятельности. Однако масштабы, последовательность, логика такой либерализации являются, скорее, искусством, нежели универсальной наукой. Необходимо тонко учитывать состояние реальной экономики и реальные экономические проблемы. Что-то можно сделать быстро, но многие вопросы можно решить лишь эволюционно, от этапа к этапу.

Последние четыре года, если использовать достаточно общие и формальные критерии, продвинули Россию по пути либеральной трансформации. Однако за формальными показателями скрываются несколько иные процессы. Нет новых эффективных собственников, не достигнута финансовая стабилизация, не создана эффективная рыночная банковская система, не созданы условия для активизации мелкого бизнеса и некриминального предпринимательства и т.д. Реальный же экономический потенциал деградирует. Оценка масштабов такой деградации связана уже не столько с профессиональным уровнем, сколько с моральной позицией специалистов.

Р.Н. Евстигнеев (доктор экономических наук, ИМЭПИ РАН): Для нынешних сопоставлений (разумеется, не только России и Китая) характерна размытость критериев. Чаще всего успехи оцениваются по достижениям в реальном секторе экономики, в повышении уровня жизни. Но насколько надежен этот критерий в переломный момент истории, в эпоху смены цивилизаций? Если не видеть общей траектории изменений, можно принять за успех реформ временные улучшения, чреватые еще большим углублением трудностей. Немедленные улучшения подозрительны и потому, что "транзакционные издержки" неизбежны для любого переходного состояния (вспомним идеи Й. Шумпетера о "созидательном разрушении" или концепцию "трансформационного спада" Я. Корнаи).

Поэтому правильнее было бы пользоваться системными критериями. А для этого прежде всего следовало бы поставить диагноз: к какого рода изменениям относится та или иная реформа - внутрисистемным или системным. Если речь идет о совершенствовании социализма (государственный "рыночный социализм" в Венгрии и Чехословакии, самоуправленческий "рыночный социализм" в Югославии, попытки гибрида того и другого в СССР в годы перестройки), критерий реформы будет один. Если же этот порог уже преодолен, успехи нужно измерять уже по другому критерию. Конечно, подобное разделение могут принять лишь те, кто считает общество, в котором мы жили, не неким мутантом, а безусловно социалистическим.

Думаю, преобразования в КНР совершаются пока в рамках социалистической системы, и их прогресс должен измеряться степенью исчерпания чисто социалистических методов хозяйствования. Сегодня, по словам генсека КПК, центральной в стране является проблема укрепления государственных предприятий. Насколько долго в этих условиях экономика сможет двигаться по "двум колесам" одновременно, по-

кажет время. Пока же очевидно: нельзя элегантно, как выразился один западный ученый, соскользнуть с "рыночного социализма" в вожаделенное для всех постсоциалистических стран "социальное рыночное хозяйство". Между ними лежит полоса поистине драматических событий.

Сначала надо прийти к полнокровному рынку, включающему наряду с товарами и услугами факторы производства, что невозможно сделать без капитализации экономики. Но это уже - системные изменения. Они разворачиваются в последние годы в России, в странах Центральной и Восточной Европы. Главный критерий реформ здесь - выход из трансформационного кризиса, тождественный движению от первого этапа реформы (стабилизация - либерализация-институциональные изменения-приватизация) ко второму (налаживание взаимодействия между мелким и средним бизнесом, финансовым капиталом, государством как финансовым макросубъектом и производительным капиталом). Только затем можно ждать подъема экономики и благосостояния, перехода к "социальному рыночному хозяйству".

Призывы к внедрению в России "китайской модели", т.е. к возвращению в ту полосу развития, которую мы, худо-бедно, но уже прошли, расцениваю как реакционные. Сегодня для нас, как, впрочем, и для Китая, вопросы о том, начинать ли реформу с политической или экономической сферы, с сельского хозяйства или промышленности, проводить ли стабилизацию методом "шоковой терапии" или постепенно, представляют уже чисто исторический интерес. Думаю, для Китая актуальной должна стать подготовка к системным изменениям, а для России - переход от первых грубых шагов по налаживанию рыночных отношений к более тонкой настройке всех элементов современного цивилизованного рынка.

А.Д. Некипелов (доктор экономических наук, ИМЭПИ РАН): Думаю, поставленный Евстигнеевым вопрос о том, можно ли считать, что в Китае мы имеем дело с настоящей рыночной экономикой или это своеобразное "рыночное Зазеркалье", является весьма существенным. Можно ли "впрыгнуть" из этого "зазеркалья" в настоящую рыночную экономику, "соскользнуть" в нее? Трудно не согласиться, что здесь важен не только рынок товаров, но и рынок факторов производства. Сегодняшние сторонники "рыночного социализма" независимо от того, отстаивают они самоуправленческий или государственный его вариант, понимают, что главная трудность состоит как раз в формировании адекватного рыночному механизму способа аллокации ресурсов. Когда нет товара "рабочая сила", не понятно, откуда может взяться рынок труда. Когда нет капитала, не может образоваться рынок капиталов. Это ключевая проблема, которую нельзя недооценивать.

Пока остается открытым вопрос о том, можно ли отладить механизм эффективного функционирования государственных предприятий на подлинно рыночных принципах. Разумеется, такие примеры есть, скажем, во Франции или Италии. Но там ситуация принципиально иная, нежели в России или Китае, ибо государственные предприятия функционируют там в условиях генетически рыночных экономик. Нас же волнует проблема перехода. При этом, с моей точки зрения, механизмы, позволяющие перевести государственный сектор в рыночный режим функционирования, маркировать его, существуют. И из этого следует исходить, проводя преобразования отношений собственности. Ведь не случайно, ни одна из постсоциалистических стран не пошла по тому пути, по которому пошла Россия. По сути, это возведение примитивного грабежа в ранг научно обоснованной политики. Нужна же серьезная работа по совершенствованию управления государственным имуществом.

Ю.И. Суворцев: Размышляя над проблемой специфичности "китайского лица", того "перехода", который совершается сейчас в КНР и в опыте которого (во многом антигуманном) столь много общего с происходящим в России, приходишь к выводу, что надо учитывать не только экономические или политические изменения, но и культурно-цивилизационные процессы, историко-генетические "коды" китайской цивили-

лизации. Матрица этих "кодов" очень сложна и противоречива. Вспомним хотя бы о некоторых многовековых традициях китайского народа, о его потрясающей работоспособности, о готовности людей жить и работать в условиях, не мыслимых не то что для американца или немца, но и для русского. Это соединяется с порой даже изумляющей малоценностью самой человеческой жизни. В общем это "Восток", всегда более населенный и всегда (или почти всегда) склонный удовлетвориться более низким потребительским стандартом, чем "Запад". В этом плане "евразийская" Россия - тоже "восточная" страна.

Быстрый экономический рост Китая (равно как и "азиатских драконов") психологически, ментально основан на иных предпосылках, нежели те, что действуют в странах Запада. Добавим сюда периоды тоталитаризма, диктаторские политические структуры, духовные стереотипы общинной традиционности, патернализма и т.д., и мы поймем, как мог быть принят в Китае закон о единственном ребенке, как проводились ссылки в село и оказалось возможным побоище на площади Тяньаньмынь.

Т.В. Гончарова (доктор экономических наук, Институт Латинской Америки РАН): Для правильной оценки содержания и направленности идущих в Китае структурных преобразований, по-моему, необходимо определить, на каком историческом фоне развиваются эти процессы, отражением каких объективных закономерностей они являются. Осмысление китайских реформ невозможно без учета того, что геополитический расклад в следующем столетии, судя по всему, будет определять сосуществование и соперничество крупных цивилизационных блоков, в том числе и так называемого конфуцианского. Внутри этих блоков процессы модернизации и универсализации будут протекать согласно собственным закономерностям, обусловленным фундаментальными мировоззренческими и психологическими архетипами. При этом для сообществ, продолжающих сохранять прочные общинно-коллективистские стереотипы и традиции, одним из наиболее важных станет вопрос об их сопрягаемости с требованиями современного производства и политической демократизации, которая в подобных культурах все чаще понимается как низовая демократия, противопоставляемая европейской парламентской демократии в ее современной форме. Трудности, в ряде случаев катастрофические социальные и культурно-психологические издержки применения западного варианта модернизации в ряде стран свидетельствуют о необходимости разработки моделей, учитывающих цивилизационную специфику.

В этой связи привлекают внимание теоретические разработки Римского клуба. Связанные с ним исследователи, в частности А. Кинг и Б. Шнайдер, стремясь осветить наиболее критические моменты в происходящей трансформации мирового сообщества, выдвинули тезис о "новом обществе", о цивилизации нового типа, способной дать разрешение чреватых общей гибелью противоречий. Теоретики Римского клуба в целом оптимистично смотрят в будущее, считая, что новые технологии и связанный с ними рост производительности труда позволят обеспечить более высокий уровень во всех производственных и социальных сферах, удовлетворить основные жизненные потребности всего населения земного шара. В отличие от них мыслители и общественные деятели, соприкасающиеся прежде всего с реальностью "третьего мира", не разделяют этого умеренного оптимизма. Так, известный латиноамериканист А. Гундер Франк считает, что закономерным следствием нового технологического рывка станет еще больший, если не окончательный разрыв между странами Запада и Востока, между лидерами постиндустриального общества и историческими маргиналами.

Рассуждая о причинах успеха рыночных реформ в Китае и их провала в России, мы слишком малую роль отводим, на мой взгляд, деструктивной активности либералов-монетаристов, полностью ориентированных на модель, внедряемую МВФ в большинстве развивающихся стран. Как показывает практика применения этой модели в странах Латинской Америки, ее внедрение приводит к многократно возросшей

маргинализации и пауперизации широчайших слоев населения. Ее следствием уже в ближайшее время могут стать "война всех против всех", потрясающая анархия и подрыв внутренней стабильности латиноамериканских национальных сообществ. Сегодня в этих странах приходит осознание того, что 80-е годы - время наибольших упований на рынок - были "потерянным десятилетием". Интеллектуалы возвращаются к фундаментальным ценностям латиноамериканского бытия, многие обращаются к коллективистским, эгалитаристским идеалам как наиболее приемлемым для этих народов.

Пяти лет российских "реформ" оказалось достаточно, чтобы разрушить экономику и государственное регулирование, но, к счастью, недостаточно, чтобы искоренить глубинную коллективистскую парадигму аграрной цивилизации. Именно в том, что Китай стремится по мере возможностей осуществить структурную модернизацию и даже своего рода конвергенцию в области экономики, не разрушая древних традиций власти-государства, видится одна из главных причин его успехов.

М.А. Дерябина (кандидат экономических наук, ИМЭПИ РАН): Сравнение российских и китайских реформ стало привычным, всерьез о позитивах китайского опыта говорят даже всеми уважаемые профессионалы, а политические спекуляции на китайскую тему уже грозят превратиться чуть ли не в инструмент "корректировки курса реформ". Между тем нельзя сопоставлять несопоставимое. Сейчас (как и в начале процесса трансформации) китайский опыт для нас в принципе чужд. Как никогда нам грозит опасность соскользнуть с трудного пути системной трансформации и откатиться назад (причем отнюдь не в начальную точку), чтобы затем заново проходить уже выстраданное и преодоленное. Следование китайским алгоритмам реформ именно к этому и приведет. Траектории движения России и Китая уже настолько разошлись, что теперь, даже очень захотев, использовать китайский вариант просто невозможно.

Если подходить чисто прагматически, один из главных вопросов для нас - судьба государственного сектора. Приходится признать, что ни массовая приватизация, ни денежные аукционы, ни залоговые схемы, ни просто растаскивание государственного имущества не смогли решить главной задачи рыночной трансформации - формирования крепкого частного сектора и превращения государственных производственных фондов в производительный капитал. Китайцы работают над этой проблемой не менее десяти лет, но их опыт, к сожалению, отрицательный. Если отвлечься от специфической китайской терминологии, в их багаже есть солидный опыт того, что мы называем коммерциализацией или маркетизацией госсектора. Но сегодня видно, что самое интересное в связи с подобными экспериментами - переход всех инициированных процессов в квазиреформу. Очень быстро возникали структурные элементы фондового рынка - многочисленные "портфельные" компании, которые под видом работы на рынке капитала занялись откровенным растаскиванием государственной собственности. Ведь квазидеятельности восточного человека учить не надо.

Симуляция рыночных отношений, свойственная и России, и Китаю, распространяется на кредитно-денежные отношения посредством введения формальных понятий и рычагов, принятых в рыночной экономике. Тем самым поддерживается и укрепляется квазырыночный режим функционирования реального сектора экономики. Даже более независимые, чем китайские, российские банки вынуждены продолжать финансирование низкорентабельных и даже убыточных государственных предприятий и правительственных программ. Даже формально имея право, они не могут инициировать банкротства, наложить взыскания на имущество должника, т.е. реализовать право собственности не "квази", а по существу.

Рискну сделать вывод, с которым, возможно, не все согласятся. В трансформирующейся экономике, не прошедшей этапа системных изменений в отношениях собственности, перевод госсектора в режим рыночного функционирования может осуществляться только как стимулирование рыночных отношений, принимающих квази-

рыночные формы. Передавая экономическим агентам право собственника, но без прав собственности, государство полностью оставляет за собой ответственность и издержки, утрачивая контроль за эффективностью и доходом. Это, безусловно, выгодно номенклатурному менеджменту, осуществляющему передел собственности в свою пользу, но называть такой передел совершенствованием управления госсектором - в лучшем случае глубокое заблуждение.

Ю.М. Гарушьянц: Пошли ли китайцы по пути модернизации? Пока трудно ответить на этот вопрос. Ведь скупать японские лицензии или русское оружие - это еще не модернизация экономики. За прошедшие 18 лет в плане модернизации, по существу, ничего не было сделано. Я был там два месяца назад, и знающие люди говорили, что реформы давно уже нет, а инфляция с 1993 года - по 20-25% в год. "Если раньше мы думали, что у нас лучше, чем у вас, - говорят они, - то сейчас разницы, по существу, нет". В России мы худо-бедно встали на путь демократизации, в Китае же по-прежнему правит одна партия, и она боится своего народа.

Поэтому думаю, что Китай не сможет создать полноценный рынок в ближайшем будущем. Там все еще действуют "четыре принципа" - социализм, компартия, идеи Мао Цзэдуна, диктатура пролетариата (правда, сейчас наблюдается некоторая волна либерализма). По-моему, сравнивать экономическое положение Китая и России невозможно. Даже сейчас у нас уровень жизни выше, чем в Китае. Нечего говорить и о качестве жизни. Даже дом крупного партийного работника имеет максимум три комнаты. В деревнях же просто царит нищета.

П.И. Кулигин: Сопоставление некоторых результатов экономических преобразований в Китае и в России оказывается как бы явно не в пользу России. Отсюда повышенный интерес к китайской реформе со стороны ряда российских сил и движений, предложения об использовании "китайской модели". Конечно, китайский опыт заслуживает пристального внимания, это помогает выявить и полнее представить определенные типовые связи в экономике. Не исключено и прямое использование решений отдельных конкретных проблем. Однако не представляется обоснованным изменять стратегические ориентиры и модель экономических преобразований в России в сторону используемых в Китае. По-моему, России ближе модели преобразований в странах Центральной и Восточной Европы.

Обобщенно ориентиром экономических преобразований в странах Центральной и Восточной Европы и в России можно считать формирование новой системы хозяйства, основанной на частной собственности и рыночном регулировании. Разумеется, в отдельных странах есть свои особенности, но они не носят системного характера. В то же время ход преобразований здесь отличается от таковых в Китае по системному признаку. В одном случае речь идет о формировании принципиально новой системы хозяйства, в другом - о совершенствовании действующей. Причем и там, и тут характер преобразований в данное время отвечает потребностям хозяйственной практики.

Чему можно поучиться у Китая?

В.И. Филатов: Не стоит испытывать иллюзий по поводу возможностей использовать у нас опыт Китая. На эту тему можно было бы говорить в середине 80-х годов. Сейчас возврат к китайскому варианту невозможен ни по политическим мотивам, ни в силу реальной экономической ситуации и особых экономических условий. Для Китая же может представить интерес опыт российской приватизации в базовых промышленных отраслях, но не в плане копирования. Можно ожидать, что будут учтены негативные моменты российской чековой приватизации и залоговых аукционов.

О.Б. Борох: Интересна позиция по этому вопросу китайских ученых. Большинство из них советуют России и восточноевропейским странам перенимать опыт Китая. Однако Фан Ган, не отрицая этого и утверждая, что отдельные элементы китайского опыта (прагматизм, гибкость в проведении преобразований и т.д.) могут иметь там ценность, акцентирует внимание на другом. В центре его внимания вопрос об обратном влиянии - хода реформ в Восточной Европе и бывшем СССР на Китай. Он считает, что любые положительные сдвиги, особенно в России, окажут стимулирующее влияние на китайские преобразования.

В.А. Ципко: Все же я думаю, что для России очень интересен и полезен опыт создания специальных экономических зон. Хотя надо иметь в виду, что у нас нет живущих за границей соотечественников, обладающих значительными свободными капиталами и желающих вкладывать их в свою страну. Китайские же хуацяо даже пишут завещания, чтобы их похоронили на родной земле, и включают туда распоряжения о пожертвованиях своему городу или деревне.

Говоря об аграрной реформе, надо помнить, что китайский опыт в этой сфере также весьма специфичен. Кроме того, у нас в сельской местности проживает отнюдь не 80% населения.

П.И. Кулигин: Мне представляется, что в сложившихся сегодня условиях, учитывая и корректировки последних лет, для обращений к китайскому опыту нет оснований. Кстати, об этом говорится, пожалуй, только в России и в некоторых странах бывшего СССР. В Центральной и Восточной Европе преобладает другое направление. Здесь ищут выход в дальнейшем прогрессе преобразований по ранее выбранным стратегическим направлениям. В той или иной мере изменяется главным образом тактика действий. Четко выражено стремление к формированию условий, позволяющих эффективно использовать инструменты рыночного регулирования из арсенала как монетаристского, так и кейнсианского подходов. Использовать какой-либо из них в чистом виде не считается возможным. Более того, не исключаются определенные временные решения, не укладывающиеся в рамки ни того, ни другого подхода. Схожая задача объективно определилась сейчас и в России.

Однако не исключена возможность использовать опыт отдельных апробированных в Китае решений в той части, которая находится на периферии модели хозяйства или вне ее. Например, заслуживает внимания опыт КНР по защите и поощрению мелкого производства, включая частное, по организации современных производств с участием иностранного капитала, по оздоровлению рынка потребительских товаров и в ряде других областей реформы.

Р.Н. Евстигнеев: Конечно, взаимный обмен опытом полезен и для России, и для Китая. Китайцами опыт России, как и стран Центральной и Восточной Европы, может быть воспринят (в модельном смысле, разумеется) в качестве картины того, что ожидает их впереди. Для России же, по-моему, китайский опыт интересен, главным образом, как пример выращивания на национальной почве тех или иных элементов реформы. В данном случае не имеет принципиального значения, идет ли речь о системных или внутрисистемных изменениях.